

OLEG СУХОНИН

OLEG СУХОНИН

*Головы уже нет,
а курица ещё бежит*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Сухонин

Головы уже нет, а кураца ещё бежит

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451694
SelfPub; 2023*

Аннотация

Рядовая, казалось бы, командировка на всероссийский журналистский фестиваль в Ульяновск начинается с досадного происшествия в поезде. Последовавшая за этим череда непредвиденных феерических событий и сексуальных приключений оборачивается ужасными преступлениями с мистическим оттенком. При этом герой повести умудряется к месту и не к месту постоянно исполнять песни собственного сочинения и рассуждать о задачах журналистики. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От Автора	4
НОЧНОЙ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК	7
ПРИВЕТ ОТ РУССКОГО МУЗЕЯ	11
ПО ШПАЛАМ СО ШПАНОЙ	18
ПРИЕХАЛИ...	26
БЕЗУМНЫЙ ДОМ ХИТРОВО	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Сухонин

Головы уже нет, а кураца ещё бежит

От Автора

С Игорем Скромным мы знакомы давно, в молодости вместе играли в группе со смешным названием «Система шумоподавления». Гоша сочинял тексты песен, а я придумывал мелодии и аранжировки. Играли по кабакам, клубам, как-то даже выступали на одном концерте с «АукцЫоном», «Калиновым мостом» и Чижом на рок-фестивале в тогда ещё городе Горьком, в Зелёном театре Сормовского парка. В то время мы пытались играть что-то среднее между панк-роком и «новой волной», критики сравнивали нас с «The Clash»...

Потом жизнь нас постепенно раскидала, брать в руки гитары мы стали всё реже. Игорь ударился в журналистику, стал постоянно занят – работал на конвейере в нижегородском медиа-холдинге: лепил репортажи для новостей, торговал лицом в телепередачах, клепал статьи для официозных газет. Встречаться мы практически перестали, лишь иногда созванивались. Да и тот Зелёный театр в Сормовском парке давно уже сгорел...

Впрочем, раз в год мы с Гошей всё же встречались, вспоминали под рюмочку наши бывлые музыкальные приключения... Последний раз я видел его всего полгода назад, и каково же было моё удивление, когда он без всяких предварительных созвонов приехал ко мне рано утром, и едва я успел открыть дверь, буквально ворвался в мою квартиру, тараторя: «Старик, можно я спрячусь у тебя дня на два-три, только никому об этом не говори!»

Я пытался втолковать Игорю, мол, ему жутко повезло, что он застал меня дома, и вообще-то у порядочных людей принято заранее предупреждать о своих визитах. Но он ни на секунду не собирался быть порядочным, ничего не хотел слушать, выглядел очень встревоженным, сильно помятым, дрожал как в лихорадке и твердил как полоумный:

– Никому не говори, что я у тебя, умоляю! Мне нужно залечь на дно и подумать! Меня у тебя как бы нет!

– Да что случилось, можешь объяснить?! – недовольно спросил я его.

– Я сейчас всё тебе расскажу, – умоляюще твердил он. – Только пойду умоюсь с дороги, ладно?

Я пожал плечами, бросил ему полотенце, а он, уже заходя в ванную, обернулся и спросил:

– У тебя есть выпить?

– Иди уже, – ответил я.

«Прекрасно знает, что у меня дома всегда есть хороший коньяк, а всё равно спрашивает, – раздражённо подумал я. –

Ишь как его ломает! Не иначе с запоя припёрся ко мне!»

Суббота только начиналась, особых планов на этот день у меня не было – на работе на два месяца вперёд я взял творческий отпуск, так что пока Гоша приводил себя в порядок, я на скорую руку приготовил закуску, достал рюмки, и когда он вышел из ванной, поставил на стол бутылку коньяка.

– Так что у тебя стряслось? – уже окончательно проснувшись, спросил я.

– Наливай, – сказал Игорь. – Случилось такое! Старик, ты не поверишь!!!

НОЧНОЙ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Игорь (Гоша) СКРОМНЫЙ начинает свой рассказ

Телефонный звонок среди ночи ударил в мозг словно током. Накануне я смотрел по телеку классный матч отбора к чемпионату мира по футболу между Аргентиной и Бразилией, откушал под это дело бутылку хорошего вискаря и после всю ночь видел цветные сны – финты Марадоны и Месси, удары Роналдо и Рональдиньо, плавно перетекающие в бразильский карнавал, где красавицы в перьях под ритмы самбы энергично вибрировали тугими задницами, благодаря чему разливавшаяся по моему телу сладкая истома прибоя Копакабаны стала одеяльно приподниматься надо мной холмом Корковаду... Тем более что и спал я раскинув руки – как Христос.

И тут как серпом...

В темноте я не сразу нащупал мобильник под кроватью.

– Алло... Кто это? – пробормотал я спросонья.

– Игорь, вы? – раздалось с другого конца трубки, и голос показался мне неприятно знакомым.

– Алло, да. Кто это? – спрашиваю, а уже дошло, что это директриса с работы.

– Это я, Чулкова Эмма Вадимовна, ваш начальник.

– Что случилось? Который час?

– Да уж скоро утро, я бы не стала вам так рано звонить, но дело срочное.

– Как утро? Я же вроде только лёг...

– Надо ложиться раньше... Вам сегодня срочно нужно будет поехать вместо меня в командировку в Ульябинск. У меня важные дела нарисовались, так что придётся ехать вам.

– В Челябинск? – не расслышал я. – Но зачем? Что там стряслось?

– Я сказала в Челябинск? Значит, оговорилась. В Ульяновск! Там открывается всероссийский фестиваль прессы, сегодня вечером я собиралась туда отправиться, уже и билет на поезд куплен. Но у меня возникли срочные дела, придётся поехать вам – как единственному лауреату от нашего холдинга. Там вам вручат приз.

– Я – лауреат???

– Долго рассказывать по телефону, к восьми утра будьте в редакции до планёрки, я всё объясню, переоформим билет на вас. И сразу соберите вещи в командировку: поезд сегодня в 17.30.

– Но я не готов... Почему нельзя было раньше предупредить? Что за срочность? – начал просыпаться я.

– Потому что так надо. Другим туда ехать не резон, а вы – лауреат, для нашего холдинга это будет пиар. Иначе бы я вам и не звонила в такое время – боялась, что не застану. В общем, надо ехать – это приказ! – И бросила трубку.

– Вот суки! – единственное, что я смог сформулировать в столь ранний час.

Делать нечего, пришлось вставать.

Меня сразу смутила эта внезапная срочность. Почему директриса не могла предупредить о командировке заранее? Что за бардак на производстве? Возникли подозрения, что дело тут не в каком-то моём лауреатстве (что за хрень?), а в том, что у Эммы Вадимовны не сложились какие-то пазлы в личной жизни. Чулкова – тётка в принципе легко предсказуемая: типичный чиновник от журналистики, каких пруд пруди, но при этом дама незамужняя, да ещё в период обостряющегося климакса. В редакции ходили разговоры, что в молодости она была замужем за каким-то перцем, но тот отчего-то то ли сбежал от неё, то ли застрелился в голову, и с тех пор замуж она больше не выходила. Но регулярно меняла состоятельных ухажёров. Вот и сейчас ходили сплетни, что у неё появился очередной богатенький хахаль, правда, к несчастью для неё женатый. Наверно и собиралась прошвырнуться с ним в счёт командировки в стороне от любопытных глаз, да видимо у любовничка что-то не срослось – жёны состоятельных бизнесменов умеют быть бдительными.

Что же касается меня, то я только дня два назад вернулся из очередной командировки, вещи из сумки ещё не успел разобрать – и опять сборы! Быстро побрился, принял ванну, слегка позавтракал, бросил в сумку пару свежих рубашек, сменное бельё, взял паспорт, положил в кошелёк немного на-

личных, проверил на месте ли банковская карта – и поехал на работу.

ПРИВЕТ ОТ РУССКОГО МУЗЕЯ

Войдя в кабинет директрисы, я сразу попросил объяснить – куда и зачем мне надо ехать:

– Для начала: в Челябинск или Ульяновск?

– Успокойтесь, Игорь, в Ульяновск. Я просто оговори-лась, – улыбнулась она. – Это ещё со студенчества: у нас в группе на журфаке в МГУ училась Маша Улябина из Улья-новска, так мы её в шутку звали Ульяновой из Улябинска.

– Это про город Ленина-то да в советские годы? Очень смело было с вашей стороны. Впрочем, у нас в универе тоже была одна из Орехово-Зуева...

– И что с ней было не так?

– Как раз наоборот – полностью оправдывала... Ну да лад-но. Хорошо, что в Ульяновск, а не в Челябинск. Значительно ближе. Но зачем мне туда?

– Там открывается пятидневный всероссийский форум журналистов. Будут руководители центральных и региональ-ных СМИ. Я хотела ехать сама, но срочные дела – сверху вызывают, – многозначительно подняла она к потолку глаза с бровями. – А вы – единственный из нашего холдинга, кто может получать там награды. Мне прислали списки – от на-шей области в разных номинациях победили пара районных газет, информагентство и вы от нашего холдинга в конкурсе Русского музея. Награждение пройдёт на сцене, будут транс-

ляции – для нас это важный пиар. И уж лучше это будете вы как автор статьи, раз я не могу...

– Русский музей в Ульяновске? – не поверил я.

– Да нет же, конечно в Питере! В прошлом году они проводили выездные выставки «Три века русского искусства» по городам России, в том числе и у нас в Нижнем. Вы тогда в нашей «Нижегородской газете» написали стихотворный отклик в рубрике «Дятлов Парнас». Мы его отправили организаторам – на конкурс за самое оригинальное освещение акции, и ваша публикация взяла да победила. Да вот она, – и Эмма Вадимовна положила передо мной ту самую газету.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

Рубрика «Дятлов Парнас»

БУРЛАКИ НАЗАД НА ВОЛГУ

ВОЗВРАТИЛИСЬ НЕНАДОЛГО

Выездная выставка Государственного Русского музея в Нижнем Новгороде

Выездная выставка Русского музея в Нижнем Новгороде стала, безусловно, самым ярким культурным событием в нашем городе за всё последнее время. Наш штатный поэт Кузьма, конечно же, тоже не мог упустить возможность насладиться шедеврами величайших русских художников трёх последних столетий у себя на родной земле. Поэт ходил по залам нашего Нижегородского художественного музея в толпе

таких же, как он, зевак и провинциальных ценителей прекрасного и плакал от счастья. «Это надо же: ещё при моей жизни «Бурлаки» Репина вернулись на родную Волгу! – восклицал Кузьма. – А Брюллов! А «Витязь на распутье» Васнецова! А «Охотники на привале» Перова! А Шишкин! А Малевич с Филоновым!» Восторгу поэта не было предела, и, чтобы полнее насладиться каждым полотном, Кузьма твёрдо решил посещать выставку как можно чаще, пока шедевры находятся в Нижнем. Однако, узнав, что билет за разовый просмотр ста картин стоит в переводе с наших рублей сто американских долларов, наш лирик сразу же «скромнее стал в желаньях»: ну какой заработок у поэта? А потому, приняв позу окаменевшего Давида (только без пращи), Кузьма мгновенно зарифмовал свои разноречивые впечатления от прекрасных творений великих мастеров и алчности организаторов выставки:

«Три века русского искусства»
В подарок Питер нам привёз –
Каскад имён и красок буйство
Как воплощенье наших грёз.

Мечтал ли кто-то, право слово,
Узреть средь местного мазла
Шедевры самого Брюллова
Или Филонова «Козла»?

И сможем ли забыть вовеки,
Как к нам добрался тем путём,
Что из варяг ходили в греки,
Картин чудесных целый сонм?

Не скрою я восторга стона
На сей презент с Невы-реки:
Здесь есть и редкая икона,
И репинские «Бурлаки».

И я как Витязь на распутье
Застыл среди множества картин:
Здесь каждая – шедевр по сути,
А я на всех на них – один.

Как тот Бурлак, четвёртый слева,
Чей невысок, напомним, рост,
Я тщусь постичь познания древо –
Сверлю глазами каждый холст.

И как Охотник на привале
Давлюсь словами всякий раз –
Смогу я передать едва ли
Свой эстетический экстаз!

Лишь ошарашенно глазею
Да всё как вкопанный стою:
Во славу Русского музея
Сегодня песню я пою!

И в этих залах стать статуей
Готов я, подпирая свод:
Но по сто баксов где найду я
На ежедневный культпоход?

Кузьма ПОЖАРСКИЙ

– Ну конечно, как же я мог забыть! – хлопнул я себя по лбу.

Дело в том, что помимо основной работы в новостях и передачах на телестудии медиа-холдинга, я частенько публиковал статейки и в «Нижегородской газете». И чтобы не подписывать различные фельетоны и юморески своим именем, которое примелькалось по телерепортажам, придумал себе псевдоним – Кузьма Пожарский. В Нижнем Новгороде до сих пор более всего чтут предводителей Нижегородского ополчения 1612 года – Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского, вот я, недолго думая, и слепил из них себе псевдоним. Так сказать, подарил предводителям вторую жизнь. Но про этот свой поэтический фельетон я давно уже забыл, а его во время моего отпуска секретариат холдинга взял да отправил

на конкурс Русского музея. И там оценили. Мелочь, а приятно!

Настроение моё заметно улучшилось, и надвигавшаяся командировка в Ульяновск уже не казалась столь нежеланной, как это было поутру.

Чулкова это заметила и произнесла уже довольно резко:

– Что ж, решено – едете вместо меня! – явное раздражение от того, что её запланированный вояж обломился, она уже и не пыталась скрывать. – Стишки-то, кстати, так себе... Пашешь тут за всех, как рабыня на галерах, а сливки другие снимают!

– Простите, вы про что? – сыграл я в недоумение.

– Понимайте, как хотите, – махнула рукой Вадимовна. – В общем, сейчас оперативно доделываете материалы в эфир по предыдущей командировке и вечером – на вокзал. До Ульяновска из Нижнего ходит только прицепной вагон к поезду «Питер – Уфа», прямых поездов и самолетов нет. Секретарь переоформит мои билеты на вас, вот вам программа фестиваля. Ваша задача получить и привезти приз с мероприятия и распиарить наш холдинг, как только можно.

– А где всё это будет происходить? В Ульяновске я был всего пару раз проездом на теплоходе, когда плавал по Волге до Астрахани, и город знаю не очень хорошо.

– Ах, да! Это как раз самое интересное. Там, говорят, одному местному олигарху раскопали в архивах бумаги, что он чуть ли не дальний потомок основателя города – бояри-

на Богдана Хитрово. Он так в это уверовал, что отгрохал ниже по Волге шикарный рекреационно-гостиничный комплекс «Древо Хитрово», а корпуса и домики назвал именами представителей рода. Это вроде того, как у нас на Горьковском море понастроили кучу всяких разных домов отдыха, турбаз и гостиниц. Но там он сделал круче. Мне прислали проспект, где сказано, будто этот богате́й так возбудился от увиденного во вьетнамском Далате «Crazy House» («Безумного дома» по-нашему), который строит там дочка бывшего генсека местной компартии Чуонг Тиня, что решил воспроизвести нечто подобное и на берегах родины Ленина. Мне самой очень хотелось посмотреть, что там у него получилось, но, видно, пока не судьба. Вернётесь – расскажете.

– А командировочные, деньги? – спросил я.

– Всё у секретаря, вместе с билетами, – замахала на меня руками директриса. – И, кстати, в Ульяновске от вокзала до отеля ходит бесплатный шаттл. Там на фестивале будет полно спонсоров, так что практически всё – почти на халяву. Подчищайте хвосты по работе, оформляйте документы и – в путь, поезд ждать не будет.

Хорошо, что все вещи я собрал и привёз с собой: мотаться домой, а потом на вокзал – заняло бы уйму времени, а так я явно успевал оформить документы, доделать к эфиру материалы с прошлой командировки и даже как следует перекусить.

ПО ШПАЛАМ СО ШПАНОЙ

Так как ехать предстояло весь вечер и целую ночь (в Ульяновке, где отцепляли нижегородский вагон, поезд «Санкт-Петербург – Уфа» останавливался в кромешную рань), то уже в супермаркете на Московском вокзале я прикупил бутылку водки, немного разной закуски и к поезду подошёл минут за пять до отбытия. Показал проводнице билет и паспорт, зашёл в вагон, подошёл к купе – и тут моё жизнерадостное настроение в момент улетучилось: моими попутчиками оказались два парня явно гопниковского вида. Обоим было на вид лет по двадцать, оба были в спортивных штанах. На одном из них, небритом и сухопаром, была майка-алкоголичка, все плечи и кисти рук его были усеяны блатными наколками. Другой – посмазливей и покрепче – был одет в белую спортивную майку, и наколоты у него были только пальцы на руках.

Нет, не такой компании я ожидал по пути на всероссийский фестиваль журналистов!

Парни уже расположились за столом у окна, мы поздоровались, они сразу почувствовали мою настороженность. Впрочем, я и не пытался её скрывать: ехать в такой компании всю ночь мне было явно не в кайф, и у меня оставалась надежда, что до отправления поезда к нам в купе подсядет кто-нибудь четвертый. Но вот состав тронулся, и надежда оста-

лась на перроне.

Моя полка была нижней слева, я попросил сидевшего на ней парня в спортивной майке пересесть, чтобы я мог расположиться. Тот подсел к своему товарищу, я положил сумку на полку, снял пиджак, но тут же вспомнил, что у меня там документы и кошелёк, и снова надел его. Соседи по купе сверлили меня глазами, я непроизвольно всё крепче стал прижимать локтем к груди карман пиджака с кошельком.

Зашла проводница, попросила билеты. Я протянул ей паспорт, куда были вложены мои билеты туда и обратно, и напомнил, чтобы она не забыла их вернуть, так как мне нужно будет отчитываться за командировку. Попутчики тоже отдали проводнице свои билеты, и я обратил внимание, что они показали ей ещё какие-то бумажки. Из их разговора с проводницей я понял, что это были справки об освобождении – ребята направлялись из колонии домой. После этого я скрестил руки на груди так, чтобы прижать к себе кошелёк уже сразу двумя локтями.

Настроение моё совсем упало – ехать всю ночь с такой публикой было настоящим наказанием. Я костерил на чём свет стоит Чулкову, отправившую меня в эту грёбаную командировку в Ульяновск, нецензурно обзывал в мыслях город Ленина и заодно – совершенно ни за что – самого Ильича, весь род Хитрово и даже всю Компартию Вьетнама с её Безумными домами.

Вновь пришла проводница, предложила и поставила на

стол стаканы с чаем, сказала, что вернёт билеты по приезду утром, и парни закрыли дверь купе. Немного погодя они достали и поставили на стол бутылку водки, пластиковые рюмки, нарезали хлеба, сыра и колбасы и предложили мне присоединиться к ним выпить за их освобождение.

Я давно уже зарёкся пить с незнакомыми людьми: никогда не знаешь – кому, с какой дозы и каким образом алкоголь снесёт голову. К этому правилу меня эмпирическим путём привела сама жизнь, щедро предоставлявшая многочисленные возможности соприкосновения с широчайшим спектром пьяных идиотов: от назойливых соплежув, пристающих как банный лист к заднице, – до агрессивных любителей чуть что хвататься за ножи, для которых смысл выпивки состоит в непременном провоцировании конфликтов с последующими мордобоем или поножовщиной. В данном случае к моему правилу присовокуплялся и тот факт, что соседи по купе ехали из заключения, а эта публика особо склонна к рецидивам (эти точно обворуют или порежут, подумал я). Поэтому я твёрдо решил ни в коем случае с ними не выпивать и вежливо отказался, сославшись на важные командировочные дела: у меня, мол, завтра очень ответственная работа.

Но вот парни хлопнули по одной рюмке, потом – по второй, языки их развязались. Они стали рассказывать о том, за что сели по малолетке – один за кражу, другой – за хулиганство, с ребяческими слезами на глазах начали мечтать, как вернуться домой и как их встретит родня, и у меня как-

то невольно потеплело на сердце: неплохие вроде ребята, у нас в России ведь никому от тюрьмы и от сумы зарекаться нельзя, сам по молодости сколько раз по краю ходил.

И хотя разум настойчиво твердил: «Не пей с ними, Игорь! Ни в коем случае не пей!», всё же когда они после третьей рюмки разлили по четвертой и вновь предложили мне с ними выпить, я подумал: «Что же мне всю ночь, что ли, вот так ехать настороже с ними, пьяными? Так они скорее обидятся и обворуют, лучше уж с ними подружиться», – и махнул рукой:

– А-а-а, давай наливай!

Разлили, выпили, атмосфера в купе сразу потеплела. Парни достали ещё одну бутылку, я в свою очередь вынул из сумки свою и всю закуску, что купил перед дорогой. Они по второму кругу рассказывали о том, как по глупости загремели на зону. В то же время твёрдой уверенности в том, что они не вернуться туда снова, в их словах я не уловил.

На третьей бутылке я рассказал им, что работаю журналистом и еду на всероссийскую конференцию, они было начали меня что-то спрашивать об этом, но очень скоро выяснилось, что тонкости моей профессии им мало понятны, а потому и совершенно неинтересны.

Тогда мне самому пришлось напрячь извилины и вспомнить свои познания в уркаганской теме. Но единственное, что мне пришло в голову, – это стихотворение Михаила Лермонтова «На смерть поэта» в переводе на блатной Фимы Жи-

ганца, благо память на стихи ещё со школьной скамьи у меня прекрасная.

Стоило мне заговорщицки начать:

Урыли честного жигана
И форшманули пацана,
Маслина в пузо из нагана,
Макитра набок – и хана!

Не вынесла душа напряжения,
Гнилых базаров и понтѳв.
Конкретно кипишнул бродяга,
Попѳр, как трактор... и готов!

– как парни стали слушать меня с нескрываемым интересом, глаза их заблестели. Дальше я уже и сам стал входить в образ, обнаруживая под градусом очень даже недурственные артистические задатки:

Не вы ли, гниды, беса гнали,
И по приколу, на дурняк
Всей вашей шоблою толкали
На уркагана порожняк?

Конечно, спьяну я мог себе льстить, но мне казалось, что в этот момент они смотрели на меня с нескрываемым уваже-

нием. А когда я совсем вошёл в полный раж и, яростно жестикулируя, стал декламировать на приклатнённый манер:

Мокрушник не забздел, короста,
Как это свойственно лохам:
Он был по жизни отморозком
И зря волыной не махал.

А хуль ему?.. дешёвый фраер,
Залётный, как его кенты,
Он лихо колотил понты,
Лукал за фартом в нашем крае.

Он парафинил всё подряд,
Хлебалом щёлкая поганым;
Грозился посшибать рога нам,
Не догонял тупым калганом,
Куда он ветки тянет, гад!

– мне показалось, что парни уже искренне восхищались мной.

В этот момент у меня окончательно исчезло опасение, что меня здесь хоть кто-то может обворовать или порезать. Моя бдительность напилась в хлам и уснула, но сам я ещё очень даже держался на ногах, а душа требовала продолжения банкета.

Тут я отчего-то вспомнил нашего студийного телеоператора Юру Барышева. Он частенько рассказывал историю о том, что как-то раз под Новый год ему допоздна пришлось работать за камерой в прямом телеэфире. Дома его ждало большое застолье, пришло много гостей, а Юра снимал в студии новогодние поздравления чужих для него людей. Когда эфир наконец-то закончился, и Юра после курантов добрался до дома, там он застал уже изрядно набравшуюся компанию. Настроение у Барышева было близким к скептическому: он приехал домой трезвый и злой, а его жена и все гости уже от души купались в хмельном веселье. Сев за стол и слушая их разговоры, Юра с досадой думал: «Ну что у меня за друзья? Какую чушь они несут! Никакого интеллекта. Босота чумазая!» И тут он произнёс ключевую фразу, которую спустя много лет после него повторил министр иностранных дел России Лавров, и она даже на время стала крылатой: «Дебилы, бля..!» Но после того, как Юра выпил первую рюмку, он пришёл к выводу, что всё обстоит не так уж плохо, и как минимум с одним приятелем из компании можно хоть о чём-то поговорить. После второй рюмки и общая тема беседы за столом ему показалась небезынтересной. А уж после третьей Юра твёрдо решил: ему очень повезло, что в жизни его окружают столь милые люди, преданные друзья и охренительно эрудированные собеседники.

Примерно так же обстояло и у меня – с соседями по ку-

не мы в короткий срок стали друзьями не разлей вода. Беда была только в том, что разливать больше было нечего. И тут я пошёл вразнос, начал гусарить:

– Ребята, сначала вы угостили меня, теперь моя очередь. Идём в вагон-ресторан – я угощаю!

Мы все были возбуждены, как вихрь промчались сквозь несколько вагонов.

За столом в ресторане я сорил деньгами – заказывал официантки коньяк, котлеты по-киевски, салаты, лимонад, и опять коньяк, и что-то ещё... Потом смутно помню, как нас стали выпроваживать, мол, ресторан закрывается, и что сейчас позовут полицию, если мы не...

Возвращались в свой прицепной вагон мы уже сильно шатаясь, сухопарого парня в наколках по дороге в тамбуре вырвало, у меня самого голова шла кругом...

Вот уже оно – наше купе, вот моя полка, вот матрас, застилаю кровать, пиджак – на крючок, вот вроде и всё, надо ложиться спать, завтра рано...

Дальше – омут...

ПРИЕХАЛИ...

Утром меня растолкала проводница:

– Гражданин, вставайте! Время – шесть утра, вагон уже отцепили, а вы всё спите! Его сейчас отгонят в депо, а оттуда очень далеко добираться. Так что скорее собирайтесь и выходите! Приехали!

Голова гудела, я ничего не мог понять: какой вагон, какое депо?

Потом наконец протёр глаза, и меня как ушатом холодной воды окатили: блин, я же в командировку еду! Сегодня всероссийский фестиваль, «Древо жизни», Вьетнам – Сумасшедший дом, я – лауреат, призы, шаттл от вокзала до отеля...

Впопыхах натянул на себя брюки. Рубашку я на ночь, оказывается, и не снимал – она вся мятая, умыться уже не успеваю, протянул руку под стол – там моя сумка, вещи вроде на месте, стал надевать пиджак, снова заглянула проводница:

– Возьмите ваши билеты. Вы мне вчера и обратный за чем-то дали, вот – смотрите не потеряйте.

– А где мои попутчики? – почуяв неладное, спросил я. В голове роем пронеслись все похождения вчерашнего дня, сердце будто сжало клещами.

– Так они уже минут двадцать как сошли, – ответила проводница. – Это мы вас всё не могли добудиться. Скорее,

гражданин: вагон сейчас отгонят, увезут вместе с вами.

Меня вдруг с ног до головы прошибло холодным потом: я сунул руки в карманы пиджака – там не было ни кошелька, ни паспорта, ни мобильного телефона.

– А где деньги, документы, телефон?!?!?! – во всё горло завопил я на неё. Вид мой, видимо, был настолько отчаянным, свирепым и безумным, что проводница в ужасе отпрянула:

– Откуда ж мне знать? Может, обронили где?

Я в панике стал шарить под матрасом, под столом на полу, на соседних полках, во всех своих карманах и сумке, везде, где только можно – но ни документов, ни кошелька, ни мобильного нигде не было. Проводница тоже суетилась вокруг, но только развела руками: ничего нет.

Страшная догадка добила меня:

– Это блатные меня обворовали! Дурак я, зачем я с ними пил?!

– Не знаю, гражданин, это ваше дело. Вы вроде дружно ехали, не ругались.

– А когда они сошли?

– Говорю же – минут двадцать назад, – ответила проводница. – Вас не могли добудиться, и они пошли на вокзал, по виду вроде спокойные, не скажешь, что хотели убежать, попрощались вежливо.

– Да точно они! Больше некому!! Специально меня опоили!!! – причитал я. – А вежливость – главное оружие вора!

– Тогда бегите скорее в полицию, тут есть отделение при вокзале, может поймают по горячим следам. Но только быстрее – всё, мы уже тронулись, едем в депо.

Я схватил сумку, сунул билеты в карман, бегом бросился из купе и уже на тихом ходу выпрыгнул из вагона. Ухитриться не упасть на перрон стоило мне немалых усилий.

На вокзале я первым делом побежал было искать полицию, но внезапно остановился: жутко болела голова, мысли путались, но всё же за одну я сумел зацепиться и стал раскручивать её как нить.

«Вот стою я в чужом городе с сильного похмелья, – думал я, – мятый, небритый, непричёсанный, от меня за версту разит перегаром как от бомжа, у меня нет ни документов, ни денег, нет телефона, чтобы позвонить. И со всем этим я приду в ульяновскую полицию и заявлю, что приехал на всероссийскую конференцию журналистов и меня по дороге обокрали? Даже если в полиции мне и поверят, для начала мне самому придётся доказывать, кто я такой, – а это означает процедуру выяснения личности, звонки на работу, организаторам конференции. А это – огласка, ненужный скандал. Позорище! Явно не за таким пиаром посылала меня в командировку Эмма Вадимовна Чулкова».

Ситуация со всех сторон представлялась для меня явно невыигрышной, тем более не было никаких доказательств, что меня обворовали именно мои попутчики. Деньги и до-

кументы, пьяный, я мог и сам где угодно выронить; пока я спал, их могла вытащить из кармана та же проводница или кто-то другой. Ещё пропал и телефон, – значит, воров могут оперативно поймать по «симке», но её уже наверняка сбросили...

«Точно блатные стащили, больше некому! Зарекался же пить с незнакомыми!» – снова, скрипя зубами, уничижительно ругал себя я, но в полицию уже не торопился: «Знаем мы нашу полицию! Обратни в погонах...»

«Но что же делать? Что делать?» – как сумасшедший твердил я. У меня началась натуральная паника, я весь дрожал.

Для начала нужно успокоиться, взять себя в руки, подумать, как быть дальше, решил я. Было горько, обидно, стыдно, противно от самого себя и от всего человечества. Я поймал на себе несколько неприязненных взглядов прохожих, ибо выглядел действительно жалко, опустил голову и быстрым шагом направился искать привокзальный туалет.

Он оказался в самом здании вокзала. Туалет был платным, но я показал на входе свой билет с поезда, и меня пропустили. Там я привёл себя в порядок – вещи в моей сумке были не тронуты, а потому я умылся, побрился, почистил зубы, расчесал волосы, обтёрся одеколоном. А когда стал менять рубашку на свежую, обнаружил во внутреннем кармашке сумки небольшую записку с прошлой командировки – около шестисот рублей.

Я понял, что мне обязательно нужно найти в этом городе

знакомых, которые могли бы подтвердить мою личность хотя бы для того, чтобы я мог обратиться в полицию с заявлением о краже или утере паспорта. Потому что без документов меня даже не пустят на обратный поезд домой.

Знакомых в самом Ульяновске у меня не было, отыскать их я мог только на журналистской конференции – Чулкова говорила, что от Нижегородской области на неё собирались поехать представители от Союза журналистов, пары-тройки местных газет, информагентств и вроде кто-то ещё. Среди них я обязательно найду тех, кто меня знает и подтвердит, что я – это я. Ещё она говорила, что от вокзала до пансионата «Древо Хитрово» с периодичностью час или два ходит бесплатный автобус или шаттл, как она его называла.

«Что ж – делать нечего, надо ехать туда, – решил я. – Других вариантов у меня нет. А там – найду друзей, займу денег и решу, как выбираться из ситуации».

Чтобы скоротать время в ожидании автобуса, я зашёл в местную забегаловку: голова продолжала раскалываться, и так как немного денег у меня было – решил поправить здоровье. Заказал 150 грамм водки, пару бутербродов и устроился у окна, чтобы не пропустить шаттл.

За соседним столиком местная компания обсуждала, что совсем обурела и хочет всех прижать какая-то Сопля из Завьяжского района (я так понял, что это какая-то местная криминальная группировка). Но моё внимание больше привлёк парень через дорогу: он расчехлил гитару, положил че-

хол на асфальт, подстроил струны и зычным голосом на всю площадь стал рычать песню Егора Летова из «Гражданской Обороны» – «Всё идёт по плану». Так как в молодости в нашей группе «Система шумоподавления» мы и сами играли панк-рок, то этот гитарист немного поднял мне настроение. А когда он дошёл до слов:

Один лишь дедушка Ленин
хороший был вождь,
А все другие остальные такое дерьмо,
А все другие враги и такие мудаки,
Над родною над отчизной
бесноватый снег шёл,
Я купил журнал «Корея» – там тоже хорошо,
Там товарищ Ким Ир Сен, там то же, что у нас,
Я уверен, что у них то же самое
И всё идёт по плану!

– я и вовсе немного оттаял: вспомнил, что приехал на родину Ильича. И от всего этого – от выпитой водки, от парня, с утра горланящего песню Летова, от того, что «наш дедушка Ленин разложился на плесень и липовый мёд», а я в это самое время нахожусь на его родине в Симбирске, – я впервые за день улыбнулся.

Заметив это, один мужик из компании за соседним столиком кивнул на певца и сказал мне:

– Это Пашка План, он почти каждое утро здесь поёт. Нравится?

Я утвердительно кивнул.

– Раньше ему тут морду били, а потом надоело, оставили – хрен с ним, пусть поёт. А то уж больно тоскливо, – процедил мужик сквозь зубы.

Я снова кивнул и заметил:

– А денежку-то ему, смотрю, нет-нет да бросают.

– Сейчас насобирает немного и придёт к нам сюда водку пить, – сказал мужик. – А если хватит – и нас угостит. Зато теперь его здесь больше никто не обижает.

Тут подошёл мой автобус, у меня появился повод прервать начавшуюся было беседу, я взял свою сумку и направился к шаттлу. Оставшуюся с выпивки сдачу я высыпал Пашке в футляр – проезд до пансионата для лиц в нём проживающих был абсолютно бесплатным.

В шаттле было человек пятнадцать, но никого из нашей области я не увидел. Они, наверное, приехали раньше – возможно, добирались прямым автобусом из Нижнего или самолётом через Москву, подумал я. Но ничего – на месте обязательно кого-нибудь найду.

БЕЗУМНЫЙ ДОМ ХИТРОВО

Дорога от вокзала до гостиничного комплекса «Древо Хитрово», расположенного в пригороде Ульяновска и так разрекламированного моей начальницей, заняла около часа, так что я немного успокоился и успел даже чуть-чуть вздремнуть.

...

Выйдя из автобуса, я испытал сильное разочарование от того, что внешне отель ни на йоту не соответствовал рекламе и совсем не оправдал моих ожиданий. С «Crazy House» в Далате он не имел ничего общего.

Если вьетнамская вилла Hang Nga строится на основе фантазий растительного сумбура, во всём подражая естественной структуре дерева, состоит из помещений произвольных форм, без малейшей привязанности к классической школе – с экзотическим парком, винтовыми лестницами, пещерами, гигантскими паутинами и по сути представляет собой созвездие оригинальных и непохожих друг на друга сказочных замков, то здесь я увидел немного осовремененный вариант пансионата совкового типа с элементами хай-тека из стекла и бетона, с многочисленными к месту и не к месту композиционными вставками из дерева. Разве только деревянные элементы в оформлении да горничные-вьетнамки в персонале были единственным, что могло навеять хотя бы

отдалённые аналогии ульяновского отеля с далатским Безумным домом, и то при очень большой фантазии.

Зато по масштабам и площади «Древо Хитрово», безусловно, превосходило «Crazy House». Создалось впечатление, что перед архитектором положили на стол генеалогическое древо рода, разросшееся за несколько столетий от ствола-прародителя многочисленными ветвями и отростками, подобно тому как кровеносные сосуды разветвляются от артерий до капилляров, и поставили задачу – банально воплотить эту схему в бетон и стекло. Что он, не мудрствуя лукаво, и сделал.

К Волге отель выходил торцом со входом, то есть по замыслу идеологов – основанием ствола генеалогического дерева, и далее – удалялся перпендикулярно от реки четырёхэтажным корпусом, от которого хаотично разветвлялись в разные стороны (причём зачастую совсем не под прямым углом) трёх-, двух и одноэтажные корпуса-ветки. Длина этих веток везде была разной, многие из них заканчивались тупиками, некоторые соединялись на разных уровнях открытыми или застеклёнными переходами.

Но, пожалуй, самой интересной находкой архитектора было то, что в некоторых корпусах по ходу коридоров менялась этажность: то есть, свернув в сторону, вы могли подняться по ступенькам на половину, например, второго этажа, и уже за следующим поворотом задание продолжалось новым полноценным этажом, который по сути был на уровне между вто-

рым с половиной и третьим с половиной этажами. Но через несколько пролётов лестница могла резко уйти вниз, и, спустившись по ней, вы неожиданно могли оказаться и вовсе сразу на полуторном этаже.

В общем, внутри гостиничный комплекс «Древо Хитрово» был настоящим лабиринтом, а при виде сверху напоминал гигантского кальмара или огромную каракатицу. Но называли, как называли.

Над входом в отель был растянут громадный транспарант – Всероссийский фестиваль прессы «Журналистика XXI века: вызовы времени». По бокам всюду были развешены красочные билборды и плакаты – «СМИ и власть: взаимодействие для развития гражданского общества», «Журналистика в системе альтернативных источников информации», «Приоритеты масс-медиа и ценности профессии журналиста» и прочая дребедень.

Фестиваль официально открылся уже сегодня – во вторник утром, торжественное закрытие и отъезд участников – в субботу. Всё правильно – 5 дней, но мне обратный билет почему-то взяли на пятницу. Ах да! Прицепной вагон ходит не каждый день.

Сразу как вошёл в отель – справа увидел столы для регистрации участников фестиваля, за которыми сидели милые девичьи лица. На одном из столов я увидел табличку «Приволжский регион», двинулся напрямик к нему и попросил

девушку зарегистрировать меня как участника конференции от Нижегородской области:

– Игорь Скромный, – представился я, – журналист медиа-холдинга «Нижегородский край».

Девушка стала перебирать списки и, покопавшись в них минуты две, растерянно произнесла:

– Извините, что-то не найду вас в списках. Можно ваш паспорт?

Я прямо сказал ей, что паспорт у меня украли в поезде и что я обязательно решу эту проблему, но для начала мне нужно найти здесь своих земляков, разместиться в номере и связаться с начальством на работе.

– Но мы не регистрируем без документов, – ответила девушка. – И потом вас вообще нет в списках.

Я сразу задёргался: как это нет в списках? Я что – по своей воле что ли сюда припёрся? Взял вот и от нехрена делать в прицепном вагоне с урками примчался на крыльях мечты в этот грёбаный Ульяновск?!

– Не может такого быть, что меня нет в списках! – в сердцах сказал я девушке. – Меня сюда начальство медиа-холдинга послало вместо себя на конференцию – я приехал вместо директора Эммы Вадимовны Чулковой! Можно я сам посмотрю списки?

– Да вот же, – повернула она ко мне бумаги, – список участников от нижегородцев – девять человек: два представителя от пресс-службы администрации области – Евгений

Витольдович Тараканов с помощницей, председатель регионального Союза журналистов Валентина Ивановна Матрёнова, три редактора от районных газет, два – от информагентств, и один от холдинга, про который вы говорите, – директор Эмма Вадимовна Чулкова. Но она зачеркнута, и вместо неё – какой-то Кузьма Пожарский. Никакого Игоря Смелого нет!

– Да не Смелый я, а Скромный! – пробормотал я, начиная понимать, что произошло.

– Мне без разницы, какой вы – Смелый или Скромный, – равнодушно ответила девица. – Мне это всё равно. Но аккредитован один Пожарский, и то лишь при предъявлении паспорта! У нас только аккредитованные участники получают номера в гостинице, если они заказывали бронь. Мы выдаём им банковские карты от главного спонсора фестиваля – Группы «Гамма-Банк» – с определённой суммой на карте в зависимости от статуса аккредитации: для руководителей – 50 тысяч рублей на пять дней, для всех остальных – 25 тысяч, и приглашения на специальные мероприятия – банкеты и закрытые презентации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.